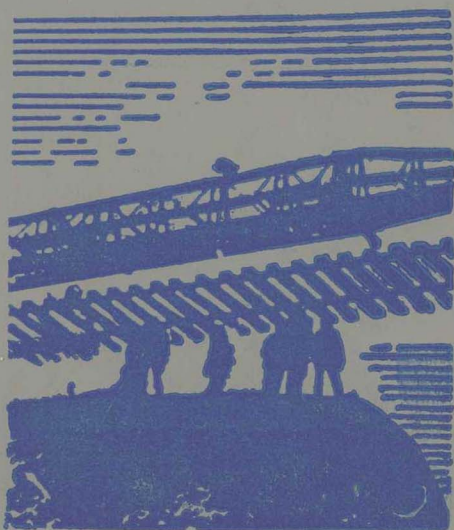

ПАМЯТЬ

ОТ БАЙКАЛА ДО АМУРА

ПАМЯТЬ

ОТ
БАЙКАЛА
ДО
АМУРА

СБОРНИК

«СОВРЕМЕННОК»
МОСКВА
1986

65,04
Б22

Общественная редколлегия серии «Память»:
Буганов В. И., Каргалов В. В., Лихачев Д. С.,
Осетров Е. И., Утехин Н. П., Ученова В. В.

О $\frac{4702010200-349}{М 106 (03)-86}$ 116—86

© Составление, оформление. Издательство «Современник», 1986 г.

К ЧИТАТЕЛЯМ ЭТОЙ КНИГИ

Кажется, все это было недавно: и первые комсомольско-молодежные строительные десанты в глухих таежных местах, ошеломляюще стремительный рост новых городов и поселков на пути будущей трассы, и само неумолимое движение ее с запада на восток, с востока на запад... Еще живет в ближней памяти всенародное ликование: уложено «золотое звено», и первые долгожданные поезда стальным путем идут до самого Амура-батюшки. Таков итог стройки века — десяти лет самоотверженного труда, еще раз подтвердивших способность советской молодежи к высоким трудовым подвигам.

Летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза Валентин Лебедев писал, размышляя о деяниях земных первопроходцев: «Думаю: осуществима ли такая стройка, как БАМ, с такими трудностями и в такие сроки на Западе? Наверное, да, осуществима. Техника там хорошая, работать люди умеют. Но вряд ли там создался бы коллектив единомышленников, которыми могла гордиться страна. Там бы работали более всего для себя, для создания капитала, а тут ребята стремились утвердиться как личности, заработать доброе имя и уважение окружающих, принести пользу стране, своему народу. Здесь они, приобщившись к великому делу, осознали себя гражданами».

Очень емкое и верное наблюдение. Стройка действительно была уникальным явлением, и поднимали ее представители всех национальностей Страны Советов. Все здесь было необычным: и понятие «нулевой километр», и жесткие необычные природные условия, и люди, собравшиеся вместе, еще вчера не подозревавшие о существовании друг друга, имевшие весьма смутное представление о необъятных пространствах Сибирского края. Необычные условия, в которых оказались они, высветили и укрепили самое лучшее, самое доброе в человеке, а все ложное и второстепенное опало. И в какой-то миг творческого трудового озарения вдруг возникал человек будущего — невиданной творческой энергии, неизмеримой духовной высоты.

Уже сейчас о БАМе написано столько, что из книг этих можно

составить внушительную библиотеку. А сколько еще будет написано: освоение Сибирского края продолжается, и процесс этот необратим.

Кажется — совсем недавно... И как-то трудно еще понимается, что это уже наша история, героические страницы ее. В народной памяти навсегда останется славное десятилетие, как остались Магнитка, Днепрогэс, Комсомольск-на-Амуре.

Записки строителей БАМа: путеукладчиков, мостостроителей, рядовых бойцов ударно-комсомольских отрядов — представляют особую ценность. Предельно искренние, зачастую написанные по следам событий, доверительные, они просто и убедительно повествуют о том, каковы пути и условия становления личности, о зарождении и укреплении высокого чувства ответственности перед народом, об ответственности перед историей: и прошлым и будущим.

Так создается документальная хроника, так закрепляется человеческая память...

Александр Побожий,
*начальник экспедиции
«Мосгипротранс»*

ПУТЬ К ОКЕАНУ

(Из книги)

Сейчас мало кто помнит, как в тридцатых годах начато было строительство Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. Разве иногда в поездах, колесящих по Забайкалью и Дальнему Востоку, можно услышать рассказ очевидца о событиях тех лет и о людях, чьи имена сохранились в чьей-то памяти.

И неудивительно. Ведь четверть века назад строительство этой магистрали, которая должна была протянуться более чем на четыре тысячи километров — от Тайшета до Советской Гавани,— было прервано. Всеобщим вниманием завладели тогда грандиозные плотины и электростанции, заводы и города, выросшие вдоль ее законченной части — от Тайшета до Лены и от Комсомольска-на-Амуре до океана. Но между Леной и Амуром — а это более трех тысяч километров — край оставался малоосвоенным.

О невероятной сложности сооружения магистрали от Лены до Амура было известно еще до войны, и изыскатели, побывавшие там, видели, какой огромный труд требуется, чтобы в этом далеком краю прошли поезда.

Ведь если окинуть с высоты взглядом все пространство северных районов Восточной Сибири, Забайкалья и Дальнего Востока, мы увидели бы громаду гор Байкальского и Северо-Муйского хребтов, покрытых осыпями разрушенных скал, а дальше на восток — хребет Кодар, а еще дальше — более плавный рельеф Яблонового и Станового хребтов и хребет Дуссе-Алинь. Всюду тайга и тайга. Только на самом востоке в долинах рек и на пологих склонах разбросаны пятна марей, скованная вечной мерзлотой земля, прикрытая мхом. Горы и тайгу пререзают широкие реки: Киренга, Витим, Олекма, Нюкжа, Зея, Селемджа, Бурей и Амгунь, несущие свои воды в Ледовитый и Тихий океаны.

Но кто может увидеть все это одновременно?

Ландшафты этих краев могут себе представить в их истинном облике лишь те, кто пробирался здесь через хребты по глыбовым россыпям, без тропы, кто шел по топям марей, оттаявших летом, по таежным дебрям.

Шли тяжелые бои на фронтах Отечественной войны. И все-таки нас, тогда еще молодых и крепких, прямо из-под Сталинграда, где мы закончили строительство Волжской рокады, направили на изыскания новой трассы, на Дальний Восток. Предстояло проложить железнодорожную линию от Комсомольска-на-Амуре до порта Советская Гавань.

Нам было совестно удаляться от фронта в глубокий тыл. И зачем, думали мы, нужны эти изыскания, когда страна напрягает все силы, чтобы разгромить немецких захватчиков? Ведь стройка железной дороги протяжением более четырех тысяч километров, через горы и тайгу потребует огромных материальных затрат и труда тысяч людей. Только много позднее поняли мы всю дальновидность этого решения.

Поезд шел на восток. Старенький комбинированный вагон был забит пассажирами. Ехали рабочие, колхозники, ехали в отпуск воины из госпиталей. Плотно сидели внизу, по очереди спали на вторых и третьих полках. Делились скудными продовольственными пайками, пили кипяток из солдатских котелков. По ночам в вагоне горела одна саленная свечка, в полумраке завязывались беседы о войне. От этих рассказов становилось еще тяжелей на душе, хотелось пересестъ во встречный поезд и уехать обратно на фронт.

Двигались медленно, только на седьмые сутки проехали Иркутск. Состав из пятнадцати пассажирских и почтовых вагонов, извиваясь вдоль скалистых берегов Байкала, то входил в темные жерла тоннелей, то шел по самому берегу. Чем дальше на восток, тем быстрее шел поезд, все реже останавливаясь.

На пятнадцатые сутки мы прибыли в Комсомольск-на-Амуре. В городе уже тогда было много заводов, вокруг которых раскинулись кварталы жилых домов, но между постройками простирались большие пустыри с торчащими пнями — память о недавно шумевшей здесь тайге. Нас ожидали. Прибывшие раньше работники управления готовились к большому строительству. Правда, начальник

строительства Федор Алексеевич Гвоздецкий был еще в Москве, его замещал главный инженер Цвелодуб.

Стоял конец мая, и нужно было спешить с выходом в тайгу. Задерживали сборы — многого не хватало. Мы, конечно, и не мечтали о довоенных благах — непромокаемых плащах, болотных сапогах, раскладных кроватях и стульях, но следовало обеспечить людей хотя бы самым необходимым. Нашему хозяйственнику Асядулину удалось получить старые палатки, поношенные брезентовые костюмы, кирзовые сапоги, телогрейки и кое-какую кухонную посуду. Еще сложнее было с рабочими. Те из них, кто не воевал на фронтах, были необходимы на предприятиях города. Можно было собрать только молодежь, но горком комсомола не решался посылать неопытных ребят в далекую тайгу. Однако, когда в первичные организации сообщили о наборе рабочих в экспедицию, желающих оказалось много. Мы взяли двадцать семнадцати-, восемнадцатилетних юношей и трех девушек, которым уж очень хотелось поехать на изыскания. Ребята подобрались крепкие, некоторые выглядели старше своих лет, и держались они строго, с достоинством взрослых людей. С первых же дней мы почувствовали к ним уважение, поверили, что они не испугаются трудностей таежной жизни.

Изыскательской партии, которую я возглавлял, достался участок по долине Хунгари. До него нужно было пройти по тайге около ста километров, через Саяканский и Тудурский перевалы. Для такого перехода нужно было не менее пятнадцати вьючных лошадей, а удалось получить лишь трех, непригодных для армии. Мы сидели и ломали головы, где достать еще, и тут неожиданно пришло сообщение, что к нам идет эшелон с лошадьми из Монголии. Через два дня он прибыл, и мы всей партией пошли взглянуть на «монголоков». Из вагона через перила на нас смотрели злыми глазами низкорослые, покрытые длинной шерстью лошадки. Асядулин подошел было к дверям и чуть не получил удар копытом в голову.

Лошади были степные, дикие, и в первые дни к ним опасно было подходить. Но и потом, когда они уже немного привыкли к нам, с большим трудом удавалось приучить их к седлу. Не успеешь сесть на «монголку», как летишь вниз, а она прыгает через тебя и убегает в лес. Больше всех доставалось технику Саше Кондрашеву и Асядулину. Но Саша терпеливо приучал степных лошадей,

приговаривая, что в конце концов и медведей приучают, а это все же лошади.

Наконец все собрано и погружено. Маленький облезлый катер, выбрасывая от кормы клубы дыма, натянул трос, силясь сдвинуть тяжело груженную баржу, чтобы потянуть ее на противоположный берег Амура, к Пивани. С низовьев реки дул сильный ветер, волны ударяли о баржу, еле двигавшуюся за катером. А у того то и дело глож мотор, тогда его разворачивало и волнами несло вместе с баржей вниз по течению...

Уже четвертый день мы шли по тайге. Саяканский и Тудурский перевалы остались позади. Тяжелый переход утомил не только людей, но даже выносливых «монголоков». Караван растянулся по узкой тропе, выюки часто задевали за деревья и сваливались набок. Приходилось останавливаться и вновь прилаживать их. На тропе встречалось много поваленных деревьев, надо было расчищать путь, чтобы лошади могли пройти. Но самое тяжелое испытание для людей и животных — мошка, спастись от которой было невозможно. Она набивалась под накомарники, забиралась в обувь и одежду. Укусы ее вызывали сильный зуд, лица и тела покрылись множеством мелких ранок, а если не выдержишь и начнешь расчесывать, появится опухоль. Несчастные лошади на привалах с головами забирались в дымокуры и хвостами отбивались от гнуса. Губы и веки у них опухли.

Мы шли впереди каравана со старшим геологом партии Федором Петровичем Завьяловым и Сашей Кондрашевым. За нами двигались рабочие во главе с Лукьянчиковым. Все мы были вооружены топорами и пилами, чтобы пробираться через лежавшие тут и там погибшие деревья. Быстрее других погибали ель, пихта и береза. Они не выдерживали борьбы за свет и чахли под высокими лиственницами и ветвистыми кедрами. Солнце почти не проникало сквозь густые кроны, в лесу было сыро, воздух наполнен запахом гниющего дерева и листьев. Кроме редких папоротников, под деревьями не росло ничего, и для привалов приходилось искать место, где был бы корм для лошадей.

На пятый день пути к вечеру тропа за кедровым лесом вывела нас на чистую поляну, к небольшому ручью.

Мы решили заночевать здесь. Вскоре подошел караван. Разгорелись костры, задымили дымокуры. Девушки, гремя ведрами, пошли к ручью за водой.

Палаток мы не ставили, хотя две ночи подряд шел небольшой дождь, — они были хорошо уложены и подогнаны для выюка, разбирать их и вновь складывать не было смысла. Спали в шалашах или просто у костра, выделяя на ночь дежурных, чтобы охранять лошадей и поддерживать огонь в дымокурах. Мошка к ночи немного унималась, усталые люди засыпали сразу.

Наутро все поднялись с рассветом: нужно торопиться на участок, да и мошка поднималась рано, а лучшее спасение от нее быстрая ходьба. Асядулин с Митей и рабочими стали завьючивать лошадей. Я, как обычно, обходил лагерь. Женщинам велел торопиться со сборами, а сам пошел к крутому обрыву, где дотлевал костер.

Поздняков и Ноздрин, укрывшись с головой, еще спали. Я рассердился и сдернул с них одеяло. То, что я увидел, потрясло меня: между спящими, свернувшись, лежала змея. Она, видимо, пригрелась там и недовольно зашипела. Я остолбенел. Если ребята пошевелиятся, змея может их ужалить. Вот она, вертя головой, подползла к Ноздрину. Овладев собой, я тихонько поднял с земли прут и стал дразнить змею, отвлекая ее. Она подняла голову, зашипела и, казалось, готовилась кинуться на меня. В этот момент я изловчился и сильно ударил ее по голове, не задев ребят. Змея свилась в клубок, я прыгнул, прижал ее ногой и быстро раскидал ребят в разные стороны. Они вскочили, не понимая, в чем дело. Потом увидели змею, отбежали, а я топтал эту тварь, чуть не наделавшую беду. Когда все было кончено, руки и ноги у меня дрожали.

Наскоро попив чаю, мы двинулись к Хунгари. Тропа круто поднималась на водораздел. Лошади, напрягая силы, шли рывками, но через каждые метров десять останавливались, тяжело дыша. Отдохнув, снова шли, делали рывок и опять останавливались, жадно хватая воздух. С полчаса длился этот подъем, потом склон стал более пологим, и тропа вывела нас на высокий плоский водораздел. Впереди раскинулась широкая долина, окаймленная лесом. Западный склон изрезан глубокими логами, между ними виднелись участки горелого леса. Перед нами лежала долина Хунгари, по которой когда-то прошел

Арсеньев, исследуя хребет Сихотэ-Алинь и его отроги. По карте до реки оставалось около десятка километров.

Тропа теперь спускалась вдоль ручья, идти вниз было легко. Только на крутых спусках лошади приседали на задние ноги, а передними упирались в землю, как бы сползая.

Через три часа наш караван вышел на пойму. Здесь среди хвойного леса стали встречаться тополя толщиной в два обхвата. Кусты черемухи переплетались с кустами шиповника и дикого винограда. Зеленые папоротники огромными листьями прикрывали сырую почву. Шум воды на перекатах свидетельствовал о близости реки. Мы прибавили шаг, вскоре вышли на галечниковую косу и у самой воды сбросили вьюки с измученных лошадей.

Женщины уже пили прозрачную воду и смывали пот с лица. Река обмелела, она была теперь шириной не больше двухсот метров. Течение небыстрое. Ниже в русле виднелись каменные глыбы, и оттуда доносился шум воды.

Погода стояла хорошая, подъем воды не ожидался, и мы решили разбить свой лагерь прямо на косе, куда почти не залетала мошка. Чтобы не было лишней суеты, опять разделились на группы. Федору Петровичу и Драпаку, опытным изыскателям, не раз бывавшим в тайге, поручили установить палатки, Лукину и Мите с пятью рабочими — заготовить дрова, Саше и Тарасенко — до захода солнца осмотреть прилегающую местность и найти пастбище для лошадей. Асядулину — разобрать продовольствие и с помощью женщин приготовить обед.

В прибрежном лесу застучали топоры, зазвенели пилы. На косу выносили жерди, чурки, хвою и сухую траву. Первую палатку поставили для женщин. Палатки устанавливали с растяжками, чтобы они могли устоять даже при сильном ветре. Спать на гальке неудобно и холодно, поэтому сделали что-то вроде коек из тонких жердей, застелив их хвоей. Для каждой койки забивают четыре кола с развилками сверху. На развилки укладывают толстые жерди, а уж на них тонкие. Палатки вместительные, в каждой помещалось до восьми «кроватей». К вечеру поставили четыре палатки, а самую большую, в которой должны были жить Федор Петрович, Драпак и я и составляться все чертежи, решили установить на другой день.

Саше удалось найти неподалеку хорошее пастбище, туда отправили на ночь лошадей под присмотром Ноздри-

на и еще одного рабочего — это был успех. Все же Саша пришел огорченный: он не встретил птиц, кроме соек и дятлов.

— Ну и тайга! — волновался он. — Хоть бы рябчики быстрее росли, а то и они меньше воробья. Ни тебе медведей, ни коз, ни сохатых, словно все повимерло.

— Уж такое, Саша, сейчас время — июнь. Твои трофеи еще подрастают и прячутся не только от человека, а и друг от друга, — успокаивал его Федор Петрович. — Подожди до августа — сентября, поохотишься на славу.

Установив палатки, пошли к костру, где готовился обед. Продовольствия у нас было мало: мы получили его по своим карточкам на два месяца, а когда пришли к Хунгари, оказалось, что мясные консервы, выданные на весь срок по две банки на человека, уже съедены. Взамен жиров нам выдали яичный порошок и по банке сгущенного молока, от них тоже ничего не осталось. У нас были еще мука, пшено, по килограмму риса и по две банки рыбных консервов. Досадно, конечно, что мы в первые дни так распустили пояса, но ведь переход был тяжелый. Я приказал Асядулину отныне выдавать продукты строго по норме, чтобы хвагило на два месяца, еду готовить дважды в день — утром и вечером, а днем пить только чай.

Кашу — она была без масла, жидкая и разваристая — ели молча. Заедали сухим черным хлебом, привезенным из Комсомольска, стараясь не уронить ни крошки. Хлеба полагалось по шестьсот граммов в день. При нашем скудном обеде этого хватало только на два раза.

После обеда я спросил:

— Ну, как, молодежь, маловато варева?

Саша, заглядывая в пустой котел, ответил:

— Ничего, даст бог день — даст бог пищу.

Мне было жаль ребят, пошедших с нами в трудный путь. При таком питании на нелегкой работе они могут ослабеть, чего доброго, появятся больные, а лечить их здесь некому и нечем. Что ж, сейчас война, всем нелегко приходится. А нам поставили важную задачу.

Товарищи уже спали, а я еще долго лежал, глядя в небо. Как тихо в тайге! Только на перекате глухо шумит вода да иногда ночная птица нарушит тишину теплой ночи.

Утром в несколько минут лагерь пришел в движение. После завтрака собрались у дымокура: я решил подробно познакомить всех с предстоящей работой.

К Советской Гавани — лучшей бухте на нашем Тихоокеанском побережье — еще в 1931 году думали проложить трассу от Хабаровска. Но в 1932 году началось строительство индустриального Комсомольска. К новому городу железную дорогу начали строить от Волочаевки. В связи с этим решили дорогу в Советскую Гавань прокладывать не от Хабаровска, а от Комсомольска: в то время было уже намечено строительство Байкало-Амурской железнодорожной магистрали от Тайшета через Братск, Усть-Кут и Нижнеангарск на Комсомольск. Таким образом, линия от Комсомольска до Советской Гавани должна была стать восточным участком этой огромной магистрали.

— Мы с вами находимся почти в центре Сихотэ-Алиня,— говорил я. — Эта горная страна раскинулась от Амура до самого Татарского пролива. Главное препятствие на пути железной дороги — хребет с его многочисленными отрогами. Подход к нему намечено сделать по долине Хунгари и ее притока — Верхней Удоми. По Хунгари пройти будет тоже трудно из-за скалистых прижимов, круто обрывающихся в реку с большой высоты. Обойти эти скальные участки можно, только если перебрасывать линию железной дороги с одного берега реки на другой, а для этого потребуются большие мосты...

Перед отъездом с Волги меня предупредили, что металла для постройки мостов нет, металл нужен фронту, следует сделать все, чтобы избежать необходимости строить эти мосты, протянуть железную дорогу по одному берегу.

— Мы с вами на правом берегу,— говорил я, — и вот здесь, в километре от нас, первый шестикилометровый прижим, который мы с завтрашнего дня начнем исследовать. Если решим, что по нему железную дорогу построить можно, то отпадает необходимость строить два моста — в триста и двести метров. А это значит, что мы сэкономим полторы тысячи тонн высококачественного металла. Вот так, товарищи. Впереди трудная работа. От нас, особенно от геологов, зависит решение первого вопроса — можно ли прокладывать трассу по этой местности...

Я посмотрел на Федора Петровича. С ним мы еще раньше работали на изысканиях, и я знал, что он очень грамотный инженер-геолог, но и очень уж осторожный. Вряд ли он пойдет на необходимый тут риск. Если скалы, нависающие над рекой, окажутся слабыми и начнут обвали-

ваться, по будущей линии не смогут безопасно ходить поезда...

Федор Петрович сосредоточенно молчал, затем, оторвавшись от карты, проговорил как бы про себя:

— Да, нужно посмотреть, изучить, а потом уж что-то предполагать.

— Почему же только предполагать? — спросил я его. — Решать нужно будет.

— Конечно, конечно... Но решать будем не мы, а начальство повыше. Мы представим материалы, выскажем свои предположения и соображения.

Я не стал возражать ему. Действительно, сначала надо детально исследовать горные породы.

...После ужина все собрались у костра сообща обдумать дела на завтра. Надо было строить лодки, чтобы проплыть вдоль прижима, осмотреть его с реки. Одновременно, где возможно, решили пробивать по кособокому тропу, обходя отвесные скалы поверху. Прокладку тропы взялся возглавить Федор Петрович. Он же по мере продвижения вперед будет изучать строение горных пород прижима, делая расчистки и пробивая шурфы. С ним пойдут все геологи и десять рабочих. Саша и Митя в трех рабочих будут строить лодки. Остальные рабочие под руководством Драпака и Тарасенко — домик для проектных работ и конюшню. Маша присоединилась к «кораблестроителям», а другие девушки поступили в распоряжение Асядулина — ремонтировать палатки, снаряжение и одежду.

С этого дня вся партия трудилась с восхода солнца до вечерних сумерек. Строительные работы давались с трудом. Не клеилась распиловка леса на доски и тес. Пилы плохо разведены, да и никто из нас не владел продольной пилой. Сначала пришлось соорудить высокие козлы, на которые закатывается бревно, чтобы человек мог свободно под ним стоять и тянуть пилу; верхний пыльник, пока привык, не раз срывался с козел. Только через пятнадцать дней мы спустили на воду первую лодку. Она получилась кособокой, тяжелой и неуклюжей. Все же это была лодка, на которой можно плыть по реке. Маша назвала ее «Чайкой», хотя она больше походила на черепаху.

Геологи за это время проложили по прижиму три километра тропы, выкопали несколько неглубоких шурфов и расчистили скальные осыпи, чтобы определить падение пластов глинистых сланцев. Теперь смогут приступить к работе и путейцы.

Сашина бригада продолжала делать лодки, а Драпак и Тарасенко перешли на прокладку трассы.

Нам не терпелось осмотреть прижим со стороны реки. Рано утром мы с Федором Петровичем и Сашей пустились в первое плавание по Хунгари. Держались у самого берега и, упираясь в дно шестами, медленно продвигались вверх. Вскоре показался прижим. У первого выступа, где течение быстрое, лодку развернуло, и не успели мы оглянуться, как ее потащило вниз. Пока разворачивались к берегу, нас унесло от прижима метров на сто. Пришлось все начинать сначала. Вновь подошли к прижиму и, упираясь шестами, старались удержать лодку против течения. Лодка виляла, и ее несколько раз прибывало к берегу, но, как только нос чуть-чуть отклонился в сторону реки, нас вновь развернуло, да так внезапно, что Федор Петрович, пытаясь удержать лодку, чуть не слетел в воду. И снова мы оказались там, откуда только что с таким трудом выбрались...

Так дело не пойдет... Саша предложил перебраться к противоположному берегу.

Часа три мы поднимались вверх вдоль другого берега. На перекатах приходилось вылезать из лодки и, по грудь в студеной воде, толкать ее против сильного течения; но день был теплый, на солнце мы быстро обсыхали и согревались.

Несколько раз прижим на противоположном берегу скрывался за островами, поросшими лесом. Через три часа он кончился, открылась пойма, сопки стали удаляться. Повернув лодку, поплыли к своему берегу. Лодку несло быстрое течение. На дне мелькали галька и валуны; вода такая прозрачная, что на середине реки можно различить каждую песчинку. Не доплыв до берега, я стал тормозить шестом. Теперь прижим был перед нами как на ладони. Высокие скальные утесы бросали исполинские тени на прозрачную воду, в некоторых местах утесы сменялись крутыми склонами, заросшими хвойным лесом. Из ущелий, разрезавших горы, вытекали ручьи, и падающая вода журчала где-то под каменными россыпями.

Лодка вошла в неширокую протоку. На острове навалено много плавника, и стволы вековых деревьев, смытые водой, выходили далеко в русло. Скорость течения у прижима то усиливалась, то затихала. В одном месте лодку понесло на выступ скалы. Дружно работая веслами и шестами, нам кое-как удалось отбиться от берега. В сле-

дующий момент лодку развернуло и закружило. Затем струя воды, подхватив ее, потянула вдоль берега в обратном направлении. Пришлось выгребать из этого водоворота. Вскоре протока соединилась с главным руслом. В некоторых местах нам хорошо были видны глинистые сланцы, пласты падали в сторону косогора. Это давало надежду, что железную дорогу удастся проложить по прижиму.

Кончился прижим, и через пять минут наша лодка причалила к косе у лагеря.

Я вылез на берег и тут же сел на песок: закружилась голова. Последние дни такое бывало со всеми нами — от недоедания и тяжелой физической работы. Но никто не жаловался. Особенно сильно похудел инженер-геолог Лукин. Это был высокий блондин родом из Архангельска. Такому большому здоровому человеку при большой физической нагрузке, конечно, особенно не хватало нашего скудного пайка. Всю свою норму хлеба он съедал утром, а потом ходил полуголодный. Пшеничную кашу без масла мы пытались сдабривать переросшей черемшой, еще какими-то растениями, и только голод заставлял съедать такое блюдо без остатка.

Кое-как поужинав, мы с Лукиным пошли вдоль реки, захватив с собой охотничье ружье и винтовку в надежде, что встретится какая-нибудь дичь. Пробираясь по пойме, прислушивались к каждому звуку. Но слышно было лишь, как дятел выбивает по дереву частую дробь или сойка перепорхнет с одного дерева на другое. В одном месте встретили птенцов рябчика — они бегали по траве не в силах подняться на деревья. Мать летала над ними, стараясь отвлечь наше внимание. Лукин поднял было ружье, но, отвернувшись, пошел от выводка.

Пройдя вниз по течению километра три, вышли к реке ниже переката. На самом перекате скорость течения была большая, и уклон реки был замечен на глаз. Ниже переката течение беспокойное, с водоворотами. Мы сели отдохнуть на толстый ствол дерева.

Я пристально смотрел на кипящую воду. Что там такое? Там, где быстрые струи обрываются и, выбросив снопы брызг, затихают, вливаясь в плес, что-то выпрыгивало из воды. Да это же рыбы! Одна за другой они выскакивали из реки, хватая низко летающих насекомых. У меня даже защемило в груди: вот оно, избавление от недоедания и болезней! Но чем и как поймать в прозрач-

ной воде у бурного переката хариуса, способного преодолеть любую скорость течения и легко подниматься среди пенящихся струй? Я заторопил Лукина: нужно возвращаться, чтобы рассказать товарищам о нашем открытии.

Рыболовных снастей с нами не было. Не было и опыта рыбной ловли в бурных реках, где вода такая светлая, что в ней все видно на десять метров. Но сообщив решение всегда находится быстрее. У наших женщин нашелся десяток тонких иголок. Тарасенко и Ноздрин моментально изготовили из них крючки: они нагревали иголки, затем сгибали их и, за неимением машинного масла, охлаждали в касторке. Надергав белого волоса из хвоста серой лошади-«монголки», сплели из него лески.

...Начался трудовой день. Сегодня мы приступали к съемке поперечных профилей на прижиге, на всех его характерных участках с высоты ста метров до самого уреза воды. Если до этого опасные места мы обходили, то при съемке поперечников нужно было их обязательно измерять. На эту работу я назначил Митю и пятерых рабочих во главе с Поздняковым: работа предстояла опасная. Сорвешься со скалы — гибель неминуема. Даже альпинисты при подъеме на скалы обходят такие места, а нам нужно было брать высоту в лоб, не отклоняясь ни на метр. Решили производить съемку сверху вниз. Три человека с Митей будут вести измерения, предварительно обвязав себя веревками, а трое вверху — поддерживать за концы веревок. Маша стала упрашивать взять ее в бригаду Мити: говорила, что она легкая и голова у нее не кружится, даже собиралась стать альпинисткой. Но я не разрешил, хотя и довел ее до слез.

Саша в это время уже заканчивал делать вторую лодку. Первая наша «Чайка» была все время у прижима. В ней двое рабочих: они охраняли людей, работающих на скалах, — на случай, если кто сорвется и упадет в воду. Новую лодку прикатали к реке по тонким бревнам. Она была такая же тяжелая, как и первая. Саша назвал ее «Хунгари». Смолили ее смолой, собранной с лиственниц: она растапливалась на солнце, прилипая к рукам и одежде, но мы были довольны, что нашли хоть такую. Саша за последние дни похудел, щеки ввалились, но смотрел по-прежнему весело, и шутки у него не переводились.

Двое рабочих и Лукин не смогли утром выйти на работу. Они ослабли, у Лукина появились на ногах кровотокающие раны. Я опасался, не началась ли у него цинга.